

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосв. Саввы [Тихомирова], архиеп. Тверского [и Кашинского († 13 октября 1896 г.): Том 1. (1819–1850 гг.) Годы: 1827–1831] // Богословский вестник 1897. Т. 1. № 2. С. 33–64 (5-я пагин.). (Продолжение.)

— 33 —

ἀνὸς Σοκαρᾶ καὶ τῆς μητρὸς αὐτοῦ Ἀννης, ἀφ᾽ ἧς, μαίον, ἰνδ. 1ῶ, т. е. 1827 г. „Моленіе раба Божія Николая Сокара и матери его Анны, 1566 года маія, инд. 14^а. Икона въ великолѣпной кіотѣ, но безъ ризы; приобрѣтена В. М. Киселевымъ, на моей памяти, въ Москвѣ отъ какого-то иностранца за 15 тысячъ рублей серебромъ, какъ говорили тогда.

Священническихъ и діаконскихъ облаченій въ Крестовоздвиженской церкви количествомъ меньше, чѣмъ въ соборѣ, но изяществомъ и цѣнностію они превосходиѣе. Многія изъ этихъ облаченій украшены жемчугомъ и дорогими камнями.

Богатство Крестовоздвиженскаго храма, какъ и соборнаго, оцѣнивалось въ 700 тысячъ рублей ассигнаціями (200 тысячъ рублей серебромъ)¹⁾.

При Крестовоздвиженской церкви было два причта, а при прочихъ приходскихъ церквахъ по одному.

Сообщу за тѣмъ предварительныя свѣдѣнія о духовномъ училищѣ.

Оно открыто въ 1816 году, 24-го сентября. Открытіе происходило въ присутствіи преосвященнаго Ксенофонта, епископа Владимірскаго и инспектора Владимірскаго семинаріи, архимандрита Іосифа.

Домъ для училища каменный, одноэтажный, пожертвованъ былъ купцами Носовыми. Прочіе значительные граждане, приглашенные на торжество открытія училища, сдѣлали денежные приношенія. Училище находилось вблизи соборной колокольни на базарной площади. Когда я поступилъ въ училище, всѣ четыре класса помѣщались внизу; но года черезъ два, надъ каменнымъ зданіемъ надстроены были деревянный мезонинъ съ балкономъ. Туда переведено было высшее отдѣленіе уѣзднаго училища.

Первымъ смотрителемъ Шуйскаго духовнаго училища былъ протоіерей Василій Ивановичъ Смирновъ, человекъ почтенный, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, какъ духовенства, такъ и гражданъ. Гдѣ онъ самъ получилъ высшее

¹⁾ Свѣдѣнія о Крестовоздвиженской церкви заимствованы изъ двухъ брошюръ одинаковаго почти содержанія, изъ коихъ одна—произведеніе протоіеря этой церкви В. И. Смирнова, М. 1839 г., а другая—купца И. Гундобина, Владиміръ, 1860 г.

1827 г. образованіе, я хорошо не знаю; вѣроятно въ Лаврской Троицкой семинаріи: но извѣстно, что онъ былъ преподавателемъ во Владимірской семинаріи. Сдѣлавшись смотрителемъ Шуйскаго училища, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ былъ настоятелемъ церкви села Васильевского, въ 18-ти верстахъ отъ г. Шуи; жилъ онъ постоянно въ Шуѣ, а въ Васильевское, для служенія, ѣздилъ только по праздникамъ. Въ Васильевскомъ, кромѣ него, было еще три священника. Въ должности смотрителя о. протоіерей Смирновъ оставался до 1829 года. Къ нему-то приводила меня матушка на первоначальное испытаніе.

Инспекторомъ, при моемъ поступленіи въ училище, былъ священникъ Троицкой церкви Иванъ Алексѣевичъ Субботинъ ¹⁾. Не высокаго роста, сухощавый, съ кудрявыми, русыми волосами, лишенный одного глаза, но чрезвычайно дальнорой, глубоко-религіозный и строгихъ правилъ жизни; отличный латинистъ и вообще основательно образованный человѣкъ. Онъ переведенъ въ Шую изъ Переславскаго духовнаго училища, гдѣ былъ учителемъ. Въ отношеніи къ старшимъ и неблагонаправленнымъ ученикамъ былъ очень строгъ, но къ намъ, ученикамъ перваго класса, былъ отечески—снисходителенъ.

Квартира, на которой я былъ помѣщенъ, считалась одною изъ лучшихъ городскихъ ученическихъ квартиръ, какъ по близости къ училищу и церкви (вблизи собора), такъ и по нравственному надзору. Хозяйка квартиры — Александра Ивановна Болотова, дѣвица лѣтъ 60-ти, весьма набожная и строгихъ нравственныхъ правилъ. Грамоты не знала, но совершала весьма продолжительныя молитвы каждую ночь. Зимой, въ воскресные и праздничные дни, какъ бы рано заутреня въ соборѣ ни начиналась, она по первому удару колокола сама встанетъ и насъ всѣхъ разбудитъ, и отнюдь никому не позволитъ остаться дома — всѣхъ непременно одиравить въ церковь, а лѣтомъ бывали такіе случаи: пойдетъ ночью гроза съ молніею и громомъ; Александра Ивановна непременно разбудитъ насъ и, зажегши предъ иконами свѣчку, заставитъ молиться Богу и читать какой-нибудь

¹⁾ При открытіи училища онъ читалъ сочиненную имъ огу, которая напечатана во *Влад. Еп. Вѣд.* 1824 г. № 5, стр. 141.

акаеистъ. Родители, поставляя къ ней на квартиру дѣтей, 1827 г. вручали ей небольшую ременную плетку о двухъ хвостахъ, чтобы она усмиряла ею рѣзвыхъ и непослушныхъ. Бывало, у печи на гвоздѣ всегда видишь нѣсколько такихъ орудій казни, и они не оставались безъ употребленія. Вручила ли Александрѣ Ивановнѣ плеть моя матушка, не знаю: но я не помню, чтобы мнѣ случилось когданибудь подвергаться наказанію. Правда, на первой или на второй недѣлѣ моего поступленія на квартиру, я, при игрѣ съ товарищами въ бабки, разбилъ въ окнѣ сѣней у задней избы стекло: но этотъ ненамѣренный дѣтскій проступокъ, кажется, на первый разъ былъ мнѣ прощень; а послѣ уже ничего подобнаго со мною не случилось. Александра Ивановна ко мнѣ, какъ сиротѣ и хорошему ученику, всегда была добра и особенно внимательна. Бывало, каждую почти субботу она имѣла обыкновеніе печь блины; и когда мы собираемся итти въ школу, она на ухо шепчетъ, чтобы я или остался на нѣкоторое время дома, или, прослушавшись въ школѣ у аудитора, поскорѣе вернулся на квартиру, гдѣ меня ожидали горячіе блины. На квартирѣ же насъ всегда было не больше 7 или 8 человѣкъ; да больше нельзя было и помѣстить, потому что мы занимали одну только комнату, въ которой при томъ помѣщалась и сама хозяйка, да и не одна, а съ своей вдовою невѣсткой, женой умершаго брата ея. При избѣ, чрезъ сѣни, была еще комната, но холодная. Въ ней хранились наши сундучки съ бѣльемъ и другими пожитками. У каждаго изъ насъ была своя постель, т. е. войлокъ, обшитый холстомъ и подушка; были ли у когонибудь одѣяла, не помню: но, кажется, не было; одѣвались своимъ платьемъ. Спали всѣ на полу, и каждый самъ для себя приготовлялъ и убиралъ свою постель. Столъ у насъ былъ общій свой, но капуста для щей, квасъ и соль были хозяйскіе; сверхъ сего еженедѣльная баня и мытье бѣлья также отъ хозяйки,—и за все это мы платили, сколько бы вы думали?—по 15 рублей ассигнаціями (4 р. 43 коп. серебромъ) въ годъ. Судя по нынѣшнему времени, это баснословная дешевизна.

Невѣстка Александры Ивановны, о которой я упомянулъ, Аграфена Петровна была личность иныхъ качествъ и иныхъ правилъ. Ея занятіемъ была торговля пряниками, орѣхами

1827 г. и другими лакомствами. Предметы ея торговли составляли для насъ не малое искушеніе. Бывало, въ той самой избѣ, въ которой жили мы, она калила на печи свои орѣхи: нужно было обладать большою силою воли, чтобы не допустить себя до нарушенія 8-й заповѣди Божіей и не прикоснуться рукою къ разсыпаннымъ на глазахъ орѣшкамъ. Свободенъ былъ для насъ доступъ и туда, гдѣ хранились хозяйскіе пряники и другія сласти.

Въ одномъ съ нами домѣ, чрезъ стѣну, жилъ племянникъ Александры Ивановны, кунецъ Яковъ Егорычъ Болотовъ. Жена его Аграфена Аоанасьевна не отличалась благоповеденіемъ; по временамъ сильно предавалась нетрезвости. Не чуждъ былъ и онъ этой слабости. Послѣдствіемъ сего не рѣдко бывали семейныя сцены самыя безобразныя и возмутительныя: иногда въ полночь, вдругъ слышимъ за стѣной шумъ, брань, рыданія и стоны; и это продолжалось, съ большими или меньшими промежутками, во все время моего ученія въ школѣ...

Довольно. Пора наконецъ приступить къ повѣствованію о моемъ школьномъ образованіи.

Ученіе началось, безъ сомнѣнія, молебствіемъ, хотя этого я хорошо не помню. Когда мы собрались въ классъ, насъ— новобранцевъ разсадили на скамьяхъ за однимъ длиннымъ столомъ по мѣстамъ. Я не знаю, кто и почему меня посадилъ на первое мѣсто. Можетъ быть, я ранѣе другихъ явился съ матерью къ смотрителю и былъ первымъ записанъ у него въ списокъ.

Учителемъ былъ у насъ священникъ Крестовоздвиженской церкви Яковъ Ивановичъ Орловъ, дальній мнѣ родственникъ, хотя объ этомъ родствѣ, въ то время, ни онъ, вѣроятно, ни я понятія не имѣли. Предметами ученія были: славянское, русское и латинское чтеніе, чистописаніе, начальныя правила ариѳметики и нотное пѣніе. Послѣднее всегда было послѣ обѣда. Поэтому на мнѣ, какъ на пензорѣ, лежала обязанность предъ классомъ итти на домъ къ учителю и спрашивать, пожалуетъ ли онъ въ классъ или нѣтъ. А такъ какъ въ эти часы онъ всегда отдыхалъ и иногда, послѣ исправленія мірскихъ требъ, спалъ очень крѣпкимъ сномъ, то домашніе не всегда рѣшались и могли его разбудить; а если и пробуждали, то онъ не всегда чувствовалъ себя распо-

ложеннымъ итти въ класъ и предоставлялъ намъ однимъ упражняться въ пѣніи. Какъ бы то ни было, но когда мы преодолѣли потную азбуку со всѣми мудреными ея варіаціями и приступили къ разучиванію предназначительнаго вечерняго псалма: *Благослови душе моя Господа*, сначала „по солямъ“, какъ у насъ тогда говорили, а потомъ по тексту, — къ намъ въ класъ явился, не помню съ кѣмъ, соборный діаконъ Чихачевъ для набора въ соборный хоръ пѣвчихъ; для сего онъ началъ испытывать голоса всѣхъ учениковъ, начиная съ меня. Когда я началъ пѣть означенный псаломъ своимъ натуральнымъ, необработаннымъ голосомъ, экзаменаторы, расхотавшись, отошли отъ меня, и я былъ сконфуженъ.

Прошла первая учебная треть. Предъ святками были, по тогдашнему уставу духовныхъ училищъ, экзамены, къ которымъ учителя должны были составлять разрядные списки учениковъ. Я не помню, хорошо ли, худо ли училъ насъ о. Іаковъ: но у меня до сихъ поръ сохранился въ памяти одинъ его урокъ. Въ день нашего экзамена предъ Рождествомъ, Яковъ Ивановичъ пришелъ въ класъ ранѣе обыкновеннаго и, давши мнѣ въ руки свернутый въ трубку разрядный списокъ, строго приказалъ никому его не показывать, а самъ вышелъ въ сѣни, для бесѣды съ другими учителями, въ ожиданіи прибытія смотрителя. Между тѣмъ, приступилъ ко мнѣ оставленный въ первомъ классѣ на повторительный курсъ, на пятый или уже на шестой годъ, ученикъ Петръ Соколовъ — четырнадцати или пятнадцати лѣтъ дѣтина, по выраженію Духовнаго Регламента, непобѣдимой злобы, — приступилъ и настойчиво требовалъ, чтобъ я показалъ ему списокъ; но какъ я не могъ исполнить его нахальнаго требованія, то онъ вырвалъ у меня списокъ и, показывая его другимъ ученикамъ, измялъ и запачкалъ. Вдругъ входитъ учитель и, увидѣвши, что списокъ запачканъ, не произведи никакого изслѣдованія, — да и некогда было производить его, потому что шелъ уже смотритель, — далъ мнѣ такую пощечину, которая и до сихъ поръ отзывается въ моихъ ушахъ.

Кстати объ ученикѣ Соколовѣ. Въ то время, когда я учился въ училищѣ, училищное начальство, по какимъ, не знаю, расчетамъ и побужденіямъ, оказывало чрезмѣрное и,

1827 г. по моему мнѣнію, не умѣстное снисхожденіе къ лѣнливымъ и не способнымъ ученикамъ, держа ихъ по пяти, шести и, болѣе лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ. Эти лѣнтая и, болшею частію, негодяи оказывали на своихъ младшихъ товарищей по классу самое зловердное вліяніе.

Насталъ наконецъ вождѣлѣнный день отпуска, и я съ восторгомъ полетѣлъ домой для свиданія съ доброй матерью и любящими меня сестрами. Впрочемъ, сердобольная мать моя, отдавши меня въ школу, почти каждую недѣлю посѣщала меня, принося съ собою сдобные пирожки и лепешки. Но разъ великую причинилъ я ей скорбь. — Вскорѣ, по поступленіи моемъ въ училище, мнѣ приключилась болѣзнь — желтуха (Icterus). Узнавши объ этомъ, матушка, разумѣется, поспѣшила ко мнѣ: но какъ помочь бѣдѣ, чѣмъ лѣчить мою болѣзнь? — Не знаю кто то ей сказалъ, что въ этой болѣзни помогаетъ можжучный квасъ, и полезно смотрѣть на живую жуку. Квасъ былъ немедленно приготовленъ; купили живую жуку и, положивши ее въ глубокое блюдо съ водой, заставили меня на нее смотрѣть ¹⁾). Не знаю, отъ того или отъ другого изъ этихъ двухъ средствъ, но моя болѣзнь, къ великому утѣшенію матери, скоро миновала и больше уже не возвращалась.¹⁾

Въ праздникъ Рождества Христова причтъ Горицкой церкви изстари ходилъ, для славленья по домамъ, въ полномъ своемъ составѣ; брали и насъ съ сыномъ пономаря. Въ первый день праздника всегда соблюдался такой обычай: послѣ утрени, которая въ этотъ день начиналась въ 11 часовъ предъ полночью и продолжалась часа четыре и даже болѣе, — шли въ извѣстный домъ, въ которомъ священникъ, возложивъ на себя епитрахиль, бралъ въ руки крестъ и, пропѣвши въ этомъ домѣ положенныя пѣснопѣнія, отправлялись всѣ съ открытыми головами, какъ бы ни былъ великъ морозъ, въ слѣдующій домъ, и такимъ образомъ обошедши всю, такъ называемую, кривую улицу, состоящую изъ 20 или 30 дворовъ, возвращались домой; а за тѣмъ на разсвѣтѣ, часовъ въ 8 утра, ударяли въ колоколъ къ

¹⁾ Эти просіяныя средства противъ желтухи допускаются и медициною. (Смъ напр., сочиненіе доктора *Андреевскаго*: „Школа здоровья“, М 1879 г. ч. II, стр. 283. 285.)

литургии. Послѣ литургии шли на слѣдующую улицу и 1827 г. обходили дома такимъ же порядкомъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ предлагаемо было угощеніе чаемъ или закуской. Хожденіе по домамъ въ селѣ продолжалось не болѣе двухъ дней; на третій день отправлялись въ деревни, коихъ въ Горицкомъ приходѣ было только двѣ и не въ дальнемъ отъ села разстояніи: но туда насъ дѣтей никогда не брали. Отъ хожденія по домамъ мнѣ доставалось рубля два мѣдью, и этотъ доходъ я сполна отдавалъ своей матери.

1828 г.

7-го января 1828 года скончалась моя бабушка Анна Васильевна, жившая у своего сына, діакона Петра Ивановича. Она часто болѣла и прежде, но выздоравливала. Однажды, помню, — это было лѣтомъ, — се соборовали масломъ; у ней была какая-то особенная болѣзнь: лице опухло и глаза закрыты были вѣками. Однакожь она оправилась послѣ этой болѣзни.

Покойная бабушка, разумѣется, любила наше семейство; но она боялась обнаруживать эту любовь изъ опасенія гнѣва своей невѣстки, жены ея сына.

Татьяна Ивановна, — такъ звали ея невѣстку, — почему-то не жаловала мою мать.

Бабушка Анна Васильевна имѣла обыкновеніе носить при себѣ мѣдныя деньги, вѣроятно, для подаенія нищимъ. Однажды, лѣтомъ, гуляя на улицѣ, я забѣжалъ на дворъ дяди, а бабушка сидѣла въ сѣняхъ на порогѣ. Подозвавши меня къ себѣ, она вынула изъ кармана нѣсколько мѣдныхъ денегъ и, давши мнѣ въ руку, велѣла скорѣе уйти со двора, чтобы ея домашніе не замѣтили этого. Денегъ у меня въ рукѣ оказалось, какъ теперь помню, тринадцать копѣекъ.

Я былъ очевидцемъ кончины бабушки, но при погребеніи ея меня уже не было; меня отвезли въ Шую учиться. Но недолго пришлось учиться; недѣли чрезъ три или четыре насъ снова распустили по домамъ на сырную недѣлю: впрочемъ, на первой недѣлѣ поста, для говѣнія, велѣно было возвращаться назадъ. Для исповѣди послали насъ, учениковъ 1-го и 2-го класса приходскаго училища, къ за-

1828 г. штатному священнику Троицкой церкви о. Михаилу. Исповѣдь наша ограничилась только тѣмъ, что о. Михайлъ велѣлъ всѣмъ намъ пасть на полъ, и прочитавши надъ нами разрѣшительную молитву, отпустилъ насъ домой. Этого и можно было ожидать отъ о. Михаила, который не отличался ни образованіемъ, ни трезвостію. Его достоинство состояло только въ сильномъ голосѣ-октавѣ, которую мы слышали по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ соборѣ, куда онъ часто приходилъ и становился на правомъ клиросѣ.

Когда мы послѣ мнимой исповѣди, большою толпой, возвращались домой, нашъ путь лежалъ мимо одной фабрики. Фабричные мальчишки, вѣроятно, въ этотъ часъ свободные отъ работы, внезапно напали на насъ, какъ злые амаликитяне на израильтянъ въ пустынѣ. Мы, маленькіе мальчишки, бросились бѣжать и спаслись отъ побоевъ бѣгствомъ; но старшіе между нами по лѣтамъ и болѣе крѣпкіе силами, въ родѣ помянутаго выше Петра Соколова, не сробѣли и вступили съ фабричными варварами въ битву. Но на чьей сторонѣ осталась побѣда, не знаю. Такъ мало было за нами нравственнаго надзора!...

Скоро промелькнулъ великій постъ. На страстную седмицу и Пасху мы опять въ родительскихъ домахъ. Каждый день я въ церкви за службой, а службы у насъ, особенно на страстной недѣлѣ, весьма продолжительны. Въ первые три дня прочитываются священникомъ всѣ четыре евангелиста. О томъ, какъ встрѣчался у насъ свѣтлый день Пасхи, я говорилъ уже выше. Здѣсь расскажу, какъ совершалось у насъ хожденіе по домамъ со святынею. Между утреней и обѣдней не было хожденія, какъ это обыкновенно водилось въ праздники Рождества Христова. Послѣ литургіи, которая обыкновенно въ этотъ день начиналась и оканчивалась очень рано, причтъ расходился на короткое время по домамъ для отдохновенія и обѣда. Затѣмъ, собравшись опять въ церковь, священникъ возлагалъ на себя епитрахиль и ризу и бралъ въ руки напрестольный крестъ, діаконъ облачался въ стихарь и бралъ евангеліе, дьячекъ образъ Воскресенія Христова, пономарь братскую кружку (на Рождествѣ прихожане давали каждому члену порознь, а на Пасхѣ — всѣмъ вмѣстѣ); сверхъ сего, два крестьяни-

на, которые обыкновенно прислуживали въ церкви и помогали пономарю по праздникамъ звонить на колокольнѣ, несли впереди запрестольные—крестъ и икону Богоматери, и назывались богоносцами. Съ такою процессіею отправлялись изъ церкви, при пѣніи тропаря: *Христосъ воскресъ*, въ приходскіе дома, и въ каждомъ домѣ совершался пасхальный молебень съ пѣніемъ пасхальныхъ ирмосовъ и съ чтеніемъ воскреснаго евангелія: *Едини надесеяте ученицы*. Въ каждомъ домѣ, сверхъ денежной дачи, на столѣ приготовленъ былъ хлѣбъ и блюдо съ крашеными яицами. Хлѣбъ обращался въ общую пользу причта; а яйца каждый бралъ изъ блюда своею рукою—священникъ не менѣе двухъ яицъ, а прочіе по одному. Съ причтомъ ходила по домамъ и моя мать, какъ просвирня, а при ней и я съ корзиною, или съ чѣмъ случилось, для собиранія яицъ.

Свѣтлая недѣля въ нашихъ селахъ проходила чрезвычайно весело: съ утра до вечера неумолкаемый звонъ на шести колокольняхъ въ такіе большіе колокола, о которыхъ я упоминалъ выше; толпы разряженныхъ крестьянъ и въ особенности крестьянокъ разгуливаютъ по высокимъ горамъ и холмамъ около церквей и на поляхъ; любятъ широкимъ разливомъ рѣки между двумя большими селами. Вся недѣля праздновалась какъ одинъ день.

Послѣ Пасхи опять въ Шую; но здѣсь лѣтомъ стало для насъ гораздо веселѣе, чѣмъ было зимой. Наши игры и дѣтскія забавы не ограничивались уже хозяйскимъ дворомъ. Бывало, въ субботу послѣ обѣда, когда классовъ не было, и въ воскресенье старшіе ученики пойдутъ за городъ въ лѣсъ или на рѣку ловить рыбу: возьмутъ и насъ собою: какое удовольствіе, какая радость быть на чистомъ, вольномъ воздухѣ! Но эта радость обращалась иногда и въ плачь. Узнаетъ начальство о нашей самовольной отлучкѣ за городъ: старшихъ высѣчетъ розгами, да и намъ пригрозитъ.

За то, когда наставалъ благословенный май, мы пользовались уже всякаго рода увеселеніями и прогулками за городъ законнымъ порядкомъ. 1-го мая, собравшись въ школу, кричимъ бывало цѣлымъ хоромъ: „ай, ай—пришелъ мѣсяцъ май, май“. Въ наше время, май мѣсяцъ почти на половину проходилъ въ такъ называемыхъ рекреацияхъ:

1828 г. бывало до десяти и даже болѣе этихъ рекреаций. А рекреации эти совершались такимъ образомъ. Въ извѣстный день (1-го числа, если не былъ праздничный день, рекреация была уже неотложно, не взирая ни на какую погоду) — рано утромъ всѣ ученики, собравшись въ училище, отправляются массою, подъ предводительствомъ старшихъ, къ квартирѣ смотрителя и начинаютъ пѣть сначала умѣреннымъ тономъ: „Reverendissime Pater Rector, recreationem humillime rogamus“ (т. е. „достопочтеннѣйшій отецъ Ректоръ, смиреннѣйше просимъ рекреации“). Если смотритель послѣ этого возгласенія не подходилъ къ окну, то пѣніе повторялось, но уже болѣе возвышеннымъ тономъ; если же и послѣ этого ученики не видѣли смотрителя въ окнѣ: начинали снова повторять означенныя слова во все, какъ говорится, горло, такъ что крикъ двухъсотъ или болѣе голосовъ (а между ними были и очень сильныя) раздавался едва не по всему городу. Тогда смотритель или высылалъ сторожа съ метлой гнать отъ дома назойливыхъ просителей, или открывая окно, съ благосклонною улыбкою давалъ рекреацию. Въ послѣднемъ случаѣ ученики въ восторгѣ прокричавъ: *gratias agimus* (благодаримъ), какъ дождь разсыпались по всѣмъ направлениямъ къ своимъ квартирамъ. При смотрителѣ Василиѣ Ивановичѣ Смирновѣ бывали и такіе курьезы. Онъ былъ весьма благообразенъ и сановитъ, но на головѣ имѣлъ большую лысину. Для рекреаций обыкновенно старались избирать дни ясныя и теплыя: но у нашей братіи — школьничковъ не всегда доставало терпѣнія дожидаться ясныхъ дней и теплой погоды. Идемъ, бывало, къ Василию Ивановичу просить рекреацию, а небо пасмурное. Василий Ивановичъ выйдетъ на крыльцо и, показывая на небо, благодушно скажетъ намъ: „развѣ не видите, ребята, какая на небѣ пасмурная погода?“. Нѣтъ, Василий Ивановичъ, кричать ему въ отвѣтъ, — отъ Васильевского-то залысилось, залысилось (а Васильевское село къ востоку отъ Шуи). Добрѣйшій Василий Ивановичъ разсмѣется и дастъ рекреацию.

День рекреации проходилъ у насъ обыкновенно въ такомъ порядкѣ. Съ утра до двухъ часовъ по полудни играли во всевозможныя игры, преимущественно въ бабки, на квартирахъ, или на улицахъ въ городѣ; а въ два часа

отправлялись за городъ, въ какую либо рощу, по указанію начальства, — чаще всего ходили въ березовую рощу, за село Мельничное, версты двѣ или три отъ города. Туда за нами тянулись изъ города цѣлые обозы торговцевъ съ калачами, пряниками, орѣхами, съ моченою грушей и съ грушевымъ квасомъ. Въ рощѣ ученики устроили качели, играли въ мячъ, въ бабки, въ горѣлки, хоромъ пѣли пѣсни, однимъ словомъ, удовольствіямъ и забавамъ не было конца. Часа въ четыре появлялись туда наши власти и учителя съ своими семействами, приглашали съ собою и нѣкоторыхъ, болѣе значительныхъ гражданъ. Начальство и гости упражнялись въ игрѣ въ маршалки (кегли), пили чай и при томъ съ нѣкоторымъ приложеніемъ: въ то время была въ большомъ употребленіи французская водка — кизлярка: о ромѣ, кажется, еще не имѣли понятія; за тѣмъ десертъ, а къ вечеру закуска. Необходимою принадлежностію почти каждой рекреациі были сценическія представленія на открытомъ воздухѣ, среди обширной лужайки; при этомъ изъ учениковъ дѣлалась кругомъ сцены живая ограда. Играли, почти каждый годъ, комедію Фонъ-Визина: „Недоросль“ и нѣкоторыя другія, коихъ названія хорошо не знаю. Заранѣе, конечно, изъ учениковъ избирали подходящіе къ той или другой роли типы. Помню, въ роль дровосѣка не разъ избирался одинъ ученикъ огромнаго роста, кривой и рябой. Наряжали его въ крестьянскій костюмъ; вмѣсто сапоговъ онъ долженъ былъ обуваться въ лапти, но для его огромныхъ ногъ нигдѣ въ городѣ лаптей найти не могли. Поэтому когда надѣвалъ онъ лапти, какіе случались, — его пяты далеко выдвигались изъ-за лаптей. Эта картина больше комедіи возбуждала всеобщій смѣхъ.

Послѣ цѣлдневныхъ подвиговъ въ разнообразныхъ играхъ мы не безъ труда возвращались изъ рощи домой, иногда довольно позднимъ вечеромъ, и скорѣе бросались въ постель, забывая и объ ужинѣ.

На другой день сонъ нашъ, естественно, былъ продолжительнѣе обыкновеннаго и мы иногда опаздывали придти въ классъ, но съ насъ за это уже не взыскивали, да и взыскивать было не кому, потому что наставники еще позднѣе насъ являлись къ своей должности.

Такъ проходилъ май. Въ іюнѣ мы занимались ученіемъ

1828 г. съ удвоеннымъ уже усердіемъ, хотя субботнія и праздничныя прогулки за городъ не прекращались не смотря на за-прещенія начальства. Въ первыхъ числахъ іюля, среди не-сносной жары и духоты, начинались годичныя испытанія; около 14-го числа былъ ежегодно публичный экзамень. Къ этому торжественному акту были у насъ не малыя пригото-вления. Дня за два или за три посылали учениковъ, осво-бодившихся отъ частныхъ экзаменовъ, въ поле за цвѣ-тами и въ лѣсъ за древесными листьями, преимущественно кленовыми. Въ каждомъ почти курсѣ было по одному или по два ученика, свѣдущихъ нѣсколько въ рисованіи и де-коративномъ искусствѣ. Эти-то доморощенные художники и принимали на себя заботу приготовить къ публичному экзамену довольно большую залу, гдѣ, какъ выше было сказано, помѣщалось высшее отдѣленіе училища. Изъ кле-новыхъ листьевъ дѣлали они гирлянды и украшали ими ка-еэдру, двери и окна въ залѣ, а изъ цвѣтовъ выкладывали на полу предъ каеэдрою коверъ съ разными эмблематиче-скими фигурами въ родѣ утренней зари и съ латинскою под-писью: *aurora musis amica.*

Публичные экзамены происходили всегда послѣ обѣда. Часа въ четыре собиралась училищная корпорація и при-глашенная по билетамъ высшая городская публика. При входѣ зрителя въ залу пѣвчіе пѣли: *Царю небесный.* За тѣмъ кто-нибудь изъ учителей говорилъ привѣтственную рѣчь; далѣ производилось испытаніе избранныхъ лишь учениковъ всѣхъ классовъ по разнымъ предметамъ; между испытаніемъ, для развлеченія и увеселенія публики, пѣли концертъ, въ которомъ всегда участвовалъ съ своимъ силь-нымъ басомъ соборный діаконъ Кедровъ; въ заключеніе чи-тались разрядные списки учениковъ и раздавались награды— похвальные листы. Это — свидѣтельство о поведеніи и ус-пѣхахъ того или другого ученика, подписанное зрителемъ съ приложеніемъ училищной печати и написанное на четверткѣ (это для младшихъ классовъ), или на полулистѣ (для старшихъ) съ разрисованными полями и съ такимъ же вѣнкомъ вверху, гдѣ изображалась птичка, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Получить въ торжественномъ собраніи та-кую лестную награду составляло для насъ, лучшихъ уче-никовъ, верхъ блаженства. Я каждый годъ получалъ такія

награды и принося ихъ домой, доставлялъ не малое удовольствіе матери и сестрамъ. Всѣ, полученныя мною похвальные листы долгое время хранились и украшали стѣны горницы нашего дома и затѣмъ куда-то утратились.

По окончаніи всего, пѣвчіе пѣли: *Достойно есть...* и учениковъ отпускали по квартирамъ, а начальство и гости оставались еще въ залѣ и продолжали, долго продолжали испытаніе—разныхъ бутылочекъ, хранившихся до того въ библиотечной комнатѣ. Въ то же время испытываемо было и усердіе почтенныхъ гостей, большею частію богатыхъ купцовъ, къ поддержанію благосостоянія юнаго духовнаго вертограда. Предлагался имъ листъ бумаги, не знаю расписанный или нѣтъ; только я слыхалъ, что на этомъ листѣ, подъ влияніемъ добрыхъ впечатлѣній, оказывались довольно порядочныя цифры. Но на какіе именно предметы употреблялись эти добротныя приношенія, я въ точности не знаю.

На слѣдующій день, въ соборѣ совершался благодарственный молебенъ въ присутствіи всѣхъ наставниковъ и учениковъ, а затѣмъ въ классахъ намъ раздавали увольнительные билеты. Пообѣдавши на скорую руку, мы спѣшили домой, разумѣется, пѣшкомъ,—и чрезъ три-четыре часа я былъ уже въ объятіяхъ своей матери и сестеръ.

Какъ проведена была мною первая вакація послѣ школьныхъ занятій, теперь припомнить не могу, но по всей вѣроятности очень весело и спокойно.

Здѣсь скажу нѣсколько словъ о привитіи мнѣ оспы, которая до поступленія моего въ училище не была привита. Оспу прививала мнѣ и другимъ моимъ сверстникамъ жена подлѣкаря (фамиліи не помню). Когда, чрезъ нѣсколько дней, оспа у меня назрѣла, меня повела та же особа въ домъ исправника, для взятія съ моей руки оспенной лимфы, для привитія оной кому-то изъ дѣтей почтеннаго уѣзднаго сановника. За это самопожертвованіе меня наградили пятакомъ мѣди и фунтомъ или двумя крыжовника.

Въ сентябрѣ мы опять собрались въ школу. Переведенные изъ перваго класса во второй, мы встрѣтили здѣсь и новаго наставника, и нѣкоторые новые предметы.

Наставникомъ во второмъ классѣ былъ студентъ семинаріи Константинъ Николаевичъ Цвѣтковъ. Высокаго роста, съ рыжеватыми волосами, онъ женатъ былъ на какой-то

1828 г. воспитанницѣ секретаря Владимірской духовной консисторіи. Павла Андреевича, по фамиліи, если не ошибаюсь, Протопопова. Она, помню, маленькаго роста, красивая собою, получившая полубарское воспитаніе и, вѣроятно, не безъ хорошаго приданого: онъ великанъ, не очень красивый собою, хоть и очень умный и добрый, къ тому же, можетъ быть, сынъ бѣднаго сельскаго причетника. При такихъ противоположностяхъ, очевидно, не могло быть полной гармоніи между женою и мужемъ. Отъ того и до насъ—дѣтей доходили уже не добрые слухи о семейной жизни нашего любимаго наставника. Не долго, впрочемъ, Константинъ Николаевичъ оставался учителемъ, при скудномъ содержаніи въ 375 рублей ассигнаціями въ годъ. По протекціи консисторскаго секретаря, пользовавшагося особеннымъ вниманіемъ преосвященнаго Паренія, онъ скоро получилъ священническое мѣсто при Крестовоздвиженской церкви богатаго села Иванова. Однако же семейныя отношенія его, при улучшеніи его матеріальнаго быта, не измѣнились къ лучшему. Капризы и прихоти жены съ одной стороны, и обиліе матеріальныхъ средствъ съ другой, постепенно развили въ немъ наклонность къ излишнему употребленію крѣпкихъ напитковъ до того, что онъ удаленъ былъ отъ мѣста и съ запрещеніемъ священнослуженія низведенъ былъ въ причетники. Въ этомъ горькомъ положеніи я видѣлъ его въ 1840 году, когда я окончилъ уже курсъ семинаріи. У него было нѣсколько человѣкъ дѣтей, изъ коихъ два сына окончили курсъ въ С.-Петербургской духовной академіи и послѣ съ честію занимали въ сѣверной столицѣ протоіерейскія мѣста.

Но возвратимся назадъ.

Во второмъ классѣ, сверхъ прежнихъ предметовъ—чтенія, чистописанія, ариеметики и нотнаго пѣнія, намъ стали преподавать краткій катихизисъ митрополита Платона, русскую и латинскую грамматику и греческое чтеніе. Скажу нѣчто курьезное о нотномъ пѣніи. Наше училище, какъ сказано было выше, находилось среди базарной площади. По вторникамъ въ Шуѣ были еженедѣльные базары. Въ лѣтнее время, окна въ нашихъ классахъ, разумѣется, были открыты. Во вторникъ, послѣ обѣда, у насъ всегда былъ классъ нотнаго пѣнія. Когда, бывало, затынемъ въ трид-

цать или сорокъ голосовъ какой-нибудь догматикъ или ирмосъ, 1828 г
 деревенскія бабы со всѣхъ ногъ бѣгутъ къ нашимъ окнамъ
 посмотрѣть, что тутъ дѣлается; и когда услышатъ, что мы
 поемъ что-то церковное и божественное, а не мірскія пѣсни,
 приходятъ въ умѣненіе и начинаютъ класть на окна—кто
 калачикъ, кто крендель, а иная копѣчку или грошикъ.
 Кому доставались въ руки эти усердныя приношенія, пе
 помню; по всей вѣроятности,—такимъ забіякамъ, какъ по
 мянутый мною Петръ Соколовъ, потому что и во второмъ
 классѣ былъ между нами подобный Соколову лѣвтяй,—по
 фамиліи Веселовскій. Иногда же чрезъ отверстія окна
 привлекалось вниманіе проходящихъ мимо училища неисто
 выми криками и плачемъ учениковъ, подвергавшихся за лѣ
 ность или шалость сѣченію розгами.

Изъ моей домашней жизни, во время ученія моего во
 второмъ приходскомъ классѣ, живо сохранилось въ моей
 памяти слѣдующее обстоятельство. Намъ, въ лѣтнія жары,
 дозволено было купаться въ рѣкѣ, но не иначе, какъ подъ
 наблюденіемъ наставниковъ. Для сего, въ опредѣленный
 часъ, мы должны были собираться въ квартиру учителя и
 и всѣ вмѣстѣ итти на рѣку. Разъ Константинъ Николае
 вичъ повелъ насъ купаться въ Тезѣ. Когда онъ и мы раз
 дѣлись, и вошли въ рѣку, онъ взялъ меня, какъ любимаго
 ученика, на руки и пошелъ со мною въ глубь рѣки. Мо
 жетъ быть, онъ хотѣлъ научить меня плавать; но мнѣ по
 казалось, что онъ хотѣлъ меня утопить: я закричалъ изо
 всей мочи и вцѣнился ему въ лицо ногтями, забывши о
 томъ, что онъ мой учитель. Кончилось, разумѣется, тѣмъ,
 что онъ долженъ былъ возвратиться со мною къ берегу, и
 я съ тѣхъ поръ полно купаться съ учителемъ.

Кстати о купаньѣ. Не научившись еще плавать, я взду
 малъ разъ, во время вакаціи, дома пойти на рѣку одинъ и
 выкупаться. Не зная мѣстности, я вошелъ въ воду и гот
 часъ же, по отлогому несчаному дну рѣки, съ ужасомъ
 очутился подъ водою и, обратившись лицомъ къ берегу,
 началъ барахтаться руками, но не могъ сдѣлать по песча
 ному дну рѣки ни одного шага впередъ. Тутъ-то я почув
 ствовалъ бѣду. Между тѣмъ, вдругъ какая-то непостижимая
 сила выдвинула меня сзади изъ воды и я очутился у бе
 рега. Озираясь кругомъ, я не замѣтилъ около себя никого.

1828 г. Выйдя поскорѣе на берегъ, я одѣлся и побѣжалъ домой, и никогда никому объ этомъ не говорилъ, опасаясь упрековъ, а пожалуй, и наказанія. Между тѣмъ, въ этомъ событіи, я не могу не признать и не исповѣдать надъ собою дивнаго дѣйствія охраняющей меня десницы Божественнаго Промысла.

Въ первыхъ числахъ іюля у насъ совершилось очень важное событіе: насъ посѣтилъ ректоръ семинаріи, архимандритъ Павелъ. Полный и очень благовидный собою, онъ тѣмъ болѣе произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, что я до того времени архимандритовъ не видалъ. Пріѣзжалъ онъ въ Шую для освященія Троицкой Кладбищенской церкви, сооруженной и благоукрашенной усердіемъ коммерціи совѣтника Ст. Ив. Посылина.

Второй годъ ученія почти незамѣтно прошель для меня. Насъ перевели въ іюль въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища. Переходъ этотъ былъ довольно ощутителенъ для насъ. Въ низшемъ отдѣленіи и время занятій въ классѣ было продолжительнѣе (вмѣсто трехъ часовъ мы должны были высидивать до обѣда уже четыре часа), и предметы занятій были многочисленнѣе и труднѣе, и вмѣсто одного у насъ было уже два наставника.

Но едва лишь мы собрались въ школу въ сентябрѣ, послѣдовало слѣдующее событіе. Скончался учитель 1-го приходскаго класса Василій Ивановичъ Назаретскій, поступившій въ 1828 году на мѣсто священника Іакова Ивановича Орлова, который почему-то, выпустивши нашъ курсъ изъ своего класса, и самъ долженъ былъ удалиться изъ училища. Равно также и Константинъ Николаевичъ Цвѣтковъ, простившись съ нами предъ вакаціей, оставилъ учительство и принялъ священство, а его мѣсто занялъ студентъ Василій Алексѣевичъ Осовецкій (фамилія—отъ села Осовецъ, Покровскаго уѣзда), съ живою, поэтической натурой, и при высококомъ ростѣ съ необыкновенно малою головою.

Учитель Назаретскій — сынъ священника подгородняго села Юрчакова. Ему не долго суждено было проходить педагогическое поприще. Чахотка, кажется, наслѣдственная въ его семействѣ, скоро свела его въ могилу. Онъ умеръ въ концѣ сентября или началъ октября 1829 года въ домѣ

своего родителя. Училищное начальство распорядилось воз- 1829 г
дать умершему наставнику подобающія почести. Между
прочимъ, сочинены были помянутымъ сейчасъ учителемъ
Осовецкимъ стихи, которые предположено было произнести
предъ выносомъ изъ дома гроба съ тѣломъ усопшаго. Но
кому произносить эти стихи? Жребій палъ на меня. И вотъ
эти стихи:

„Учитель добрый, дорогой!
Куда изъ отческаго крова
Спѣшишь, не молвя намъ ни слова?
Помедли съ нами здѣсь, постой,
Скажи, куда путь направляешь:
Иль ты сиротъ насъ оставляешь?
Постой, задай еще урокъ;
Или прости, коль смертный рокъ
Велитъ насъ всѣхъ тебѣ оставить;
Нельзя намъ дней тебѣ прибавить!
Землѣ земное возврати.
А духъ твой къ Богу да летитъ!“.

Но кстати, здѣсь же, послѣ печальнаго случая, я раз-
скажу о событіи радостномъ, послѣдовавшемъ въ началѣ
того же 1829 года, о которомъ я въ своемъ мѣстѣ забылъ
упомануть. Во время рождественскихъ праздникоу сосва-
тана была замужъ моя двоюродная сестра, старшая изъ
дочерей моего дяди, Марья Петровна. Бракъ назначено
было совершить 7-го января. Женихъ, сынъ бѣднаго дьячка
села Аванасьевакаго, Иванъ Николаевичъ Успенскій, окон-
чившій въ 1828 году курсъ семинаріи съ званіемъ студента.

Онъ назначенъ былъ на діаконское мѣсто въ одинъ изъ
лучшихъ приходоу Владимірскаго епархіи, именно въ село
Хотимль, Ковровскаго уѣзда, отстоящее отъ Горицъ въ
45-ти верстахъ. За два или за три дня до брака шелъ мимо
окопъ нашего дома женихъ, въ сопровожденіи своего отца-
старца и о. Василія Сапоровскаго, у котораго въ домѣ они
и остановились,—въ домъ невѣсты. На женихъ былъ какой-
то сѣрый, съ сѣрымъ же мерлушчатымъ воротникомъ, тулупъ,
но и тотъ не свой, а сына о. Василія Сапоровскаго. Сестры
мои, устремившися смотрѣть, съ свойственнымъ молодымъ
дѣвушкамъ любопытствомъ, въ окна, сейчасъ же примѣтили,

1829 г. что у жениха глаза не совѣмъ въ порядкѣ—близорукъ или подслѣпъ. Въ назначенный день совершенъ былъ бракъ въ Горицкой церкви. Я былъ свидѣтелемъ этого брака. Какъ была наряжена невѣста, я не помню; но женихъ былъ въ лучшемъ парчевомъ стихарѣ. Послѣ вѣнца обычный брачный пиръ. Моя матушка на этомъ пирѣ почему-то не могла, или не захотѣла быть, а меня отпустила; и я сидѣлъ за столомъ на ряду съ другими почетными гостями.

Обращаюсь за симъ къ дальнѣйшему повѣствованію о моемъ ученіи въ школѣ.

Наставниками въ низшемъ отдѣленіи были: по латинскому языку и соединеннымъ съ нимъ предметамъ, священникъ Іаковъ Ивановичъ Холуйскій, а по греческому — соборный священникъ Петръ Ивановичъ Пѣвницкій, о которомъ было уже упомянуто.

О. Пѣвницкій, свѣдуцій въ своихъ предметахъ, отличался молчаливостію и строгостію въ своемъ обращеніи съ учениками. Онъ не рѣдко повторялъ: кто не знаетъ глагола *τίπτω* (бю) — (это образецъ для спряженія глаголовъ, номѣщенный въ тогдашней греческой грамматикѣ), — того *τίψω* (прибю), т. е. выѣку розгами.

Въ низшемъ отдѣленіи, равно какъ и въ высшемъ, курсъ полагался двухгодичный: но мнѣ пришлось просидѣть въ низшемъ отдѣленіи три года, такъ какъ я попалъ сюда не въ курсовой годъ. Поэтому всѣ поступившіе ученики назывались, въ теченіи года, „младшими“ учениками, и имъ преподавались предметы особо.

Предметы же преподаванія были слѣдующіе: русская и славянская грамматика, ариѳметика, пространнѣйшій катихизисъ, церковный уставъ, латинская и греческая грамматика и церковное обиходное пѣніе.

Кѣмъ были составлены наши учебники, намъ не было извѣстно и мы объ этомъ даже не любопытствовали. Намъ извѣстно было только о катихизисѣ, что онъ написанъ былъ Московскимъ митрополитомъ Платономъ. Впрочемъ, мы не долго его твердили; намъ въ 1829-мъ году прислали для изученія новый катихизисъ, составленный Московскимъ же митрополитомъ Филаретомъ и напечатанный въ 1827 году славянскими буквами. У меня и теперь сохраняется экземпляръ этого изданія, которое впоследствии (въ 1839 г.) исправлено и

значительно дополнено нѣкоторыми новыми трактатами, какъ 1830 г
напримѣръ о священномъ преданіи и евангельскихъ блаженствахъ. Изученіе Филаретова катихизиса намъ показалось легче и пріятнѣе, чѣмъ Платонова: послѣдній написанъ былъ довольно тяжелымъ слогомъ.

Осенью 1829-го года смотритель училища, протоіерей В. И. Смирновъ оставилъ училищную службу; его мѣсто занялъ Переяславскій смотритель училища, священникъ Василіи Яковлевичъ Цвѣтковъ, женатый на внучкѣ Шуйскаго соборнаго протоіерея Никитскаго. О. Василій Цвѣтковъ окончилъ курсъ въ 1820 году въ Московской Духовной академіи съ званіемъ кандидата. Не высокаго роста, но очень полный собою, онъ отличался необыкновенною добротою, доходившею иногда до слабости. Жена его Евлампія Матвѣевна, дочь помянутой выше дочери протоіерея Никитскаго Авдотьи Алексѣевны, красавица и необыкновенно кроткая женщина, лѣтъ чрезъ пять затѣмъ скончавшаяся. У нихъ было дѣтей только двое: старшая—дочь Александра и сынъ Владиміръ, родившійся уже въ Шуѣ.

1830-й годъ былъ роковымъ годомъ въ моей жизни. 14-го марта, въ пятницу на четвертой недѣлѣ великаго поста, скончалась моя мать Стефаніда Ивановна, вслѣдствіе продолжительной, восьмимѣсячной болѣзни. А ея болѣзнь была послѣдствіемъ ея чрезмѣрной материнской любви ко мнѣ. Матушка почти каждую недѣлю, какъ было уже замѣчено, посѣщала меня въ Шуѣ. 7-го іюля 1839 года она, по обычаю, пришла ко мнѣ и переночевавши на моей квартирѣ, на другой день, — это былъ вторникъ—базарный день въ городѣ, —должна была отправиться домой. Спутницей ей на этотъ разъ была тетка—Татьяна Васильевна—вдова, о которой мною было уже упомянуто. День былъ очень жаркій. Обѣ онѣ верхнее свое платье и даже обувь отдали знакомому крестьянину свезти домой, а сами пошли пѣшкомъ босыя.

Вдругъ среди пути застигаетъ ихъ грозная туча съ градомъ, на нѣсколько верстъ покрывшимъ землю; и онѣ, бѣдныя, промокшія до костей, должны были, босыя, идти по землѣ, покрытой градомъ. Старушка—Татьяна Васильевна была крѣпкаго здоровья и безъ особыхъ послѣдствій пере-

1830 г. несла это опасное путешествіе; но моя мать, не отличавшаяся крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, не вынесла такого путешествія, слегла въ постель и болѣе уже не вставала съ одра болѣзни. Дня за два до ея смерти меня вызвали изъ Шуи, и я былъ свидѣтелемъ ея мирной, тихой кончины. 14-го марта, въ день празднованія Феодоровской иконы Божіей Матери, мы съ зятемъ ходили къ утрени въ церковь помолиться о болящей, но наша усердная молитва не отвратила роковаго часа ея смерти.

Послѣ утрени къ постели умирающей собрались ближайшіе родные, въ томъ числѣ и ея братъ, а мой отецъ крестный, діаконъ Петръ Ивановичъ. Матушка спросила старинную икону святаго Николая Можайскаго, и благословивши меня ею, обратилась къ Петру Ивановичу, съ слѣдующими, до сихъ поръ звучащими въ моихъ ушахъ словами: „Батюшка братецъ, не оставь моего Иванушку“... И это были ея послѣднія слова на землѣ. Тутъ же она закрыла глаза, и ея душа мирно оставила ея изнуренное столь продолжительною болѣзнію тѣло. За тѣмъ, естественно, послѣдовалъ горькій плачь трехъ, совершенно осиротѣвшихъ существъ, оставшихся безъ всякихъ почти средствъ къ жизни. На другой день кончины матушки, 15-го числа мнѣ исполнилось лишь 11 лѣтъ отъ рожденія, — и съ 12-лѣтняго возраста я началъ вести совершенно странническую жизнь.

Пока тѣло усопшей находилось еще въ домѣ, мнѣ не вѣрилось, что мать моя умерла: но когда вынесли ее изъ дому, совершали надъ нею отиѣваніе и опускали гробъ въ могилу, я почувствовалъ тяжесть лишенія столь дорогаго для меня сокровища и предался неутѣшному плачу.

На другой или на третій день послѣ погребенія, я долженъ былъ опять возвратиться въ школу. Но чрезъ двѣ недѣли насъ отпустили по домамъ на страстную и свѣтлую седмицу. вмѣстѣ съ товарищами и я отправился домой, разумѣется, пѣшкомъ. Путь изъ Шуи въ Горицы лежалъ чрезъ Дунилово. Изъ Дунилова, вмѣсто того, чгобъ идти въ Горицы чрезъ мостъ, я, для сокращенія пути, вздумалъ пройти отъ Покровской церкви прямо къ нашему дому чрезъ рѣку по льду. Къ счастью, кто-то увидѣлъ меня изъ род-

ныхъ и громко закричалъ мнѣ съ противоположнаго берега 1830 г.
рѣки, чтобъ я не шель по льду и возвратился бы назадъ. Не будь этого предостереженія, я непременно утонулъ бы въ рѣкѣ, такъ какъ по срединѣ рѣки былъ слишкомъ уже тонокъ ледъ и всякое сообщеніе чрезъ рѣку было прекращено. Нельзя посему не видѣть и въ этомъ обстоятельствѣ явнаго дѣйствія Божественнаго о мнѣ Промысла.

Прихожу домой. Сестра встрѣтила меня съ радостными слезами: но я не встрѣгилъ уже въ домѣ того, что встрѣчалъ прежде—женскихъ ласкъ матери. Домъ показался мнѣ какою-то холодною и мрачною пустыней. Не такъ радостенъ былъ для меня на этотъ разъ и свѣтлый праздникъ Христовъ.

Миновали праздники и—я опять въ Шуѣ.

Сестры мои не долго оставались въ своемъ домѣ; старшая сестра Прасковья въ юнѣ того же года вышла за мужъ, въ Хотимльскій приходъ, за крестьянина деревни Погорѣлки Павла Ефимовича Лыкова, а младшая Анна перешла жить на Пустыньку къ старшей сестрѣ Марьѣ Михайловнѣ. Въ домѣ же, который по наслѣдству принадлежалъ мнѣ, поселился нашъ двоюродный дядя, упомянутый выше дьячекъ Покровской, въ Дуниловѣ, церкви Платонъ Алексѣевичъ, который по случаю пожара лишился своего дома и который за тѣмъ купилъ мой домъ за 150 рублѣй ассигнаціями (43 р. сер.) и перенесъ на мѣсто своего сторѣвшаго дома. Деньги же за мой домъ, вносимыя имъ по частямъ, хранились сначала у благочиннаго, а потомъ переданы были на храненіе моему дядѣ Петру Иванычу, какъ опекуну. Кромѣ дома, мнѣ достался послѣ матушки въ наслѣдство ея жемчужный кокошникъ, въ который она наряжалась въ великіе праздники и въ которомъ ходила по церкви съ тарелкой, для сбора подаяній; а послѣ родителя сохранились для меня двѣ одежды: овчинный тулупъ и сюртукъ, или, по тогдашнему названію, сибирка изъ толстаго синяго сукна. Мнѣ же принадлежало нѣсколько оловянныхъ блюдеъ и тарелокъ: но кромѣ дома и тулупа, всѣ прочія вещи я отдалъ въ распоряженіе старшей сестры, которая замѣнила для меня мать и которой я обязанъ дальнѣйшимъ воспитаніемъ.

Въ юнѣ 1830 года вторично посѣтилъ г. Шую быв-

1830 г. шій ректоръ Владимірской семинаріи Павель, но уже не въ званіи архимандрита, а въ санѣ епископа. 26-го мая, въ день Святаго Духа онъ былъ рукоположенъ, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, во епископа Костромскаго Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, бывшимъ его начальникомъ и наставникомъ по Петербургской Духовной академіи; при этомъ была сказана знаменитымъ рукоположителемъ рѣчь, которая почему-то не была однакожъ помѣщена въ изданіи словъ и рѣчей митрополита Филарета, 1848-года, но напечатана въ новомъ изданіи сочиненій Филарета, 1877 года, т. III, стр. 442. Путь изъ Владиміра въ Кострому новорукоположенному епископу лежалъ чрезъ Шую, и Шуя съ торжественнымъ звономъ встрѣтила и проводила знатнаго путешественника. Гдѣ останавливался преосвященный Павель и долго ли здѣсь пребывалъ, хорошо не помню: но помню, что онъ посѣщалъ наши классы, и мы встрѣчали его пѣніемъ: „*εὐκτολὰ ἔτι, δόλοτι*“. Въ бытность свою на кафедрѣ Костромской, онъ многихъ изъ окончившихъ во Владимірской семинаріи курсъ, какъ лично ему извѣстныхъ, опредѣлялъ на священническія мѣста во ввѣренной ему епархіи, къ немалому, конечно, огорченію туземцевъ. Въ сентябрѣ 1836 года преосв. Павель переведенъ былъ въ Черниговъ, а отсюда, въ апрѣлѣ 1859 года, уволенъ былъ на покой въ Переславскій Даниловъ монастырь, гдѣ онъ былъ настоятелемъ въ бытность свою ректоромъ Владимірской семинаріи и гдѣ 27-го ноября 1861 года мирно скончался ¹⁾. При проѣздѣ его изъ Чернигова въ Переславль чрезъ Москву, мнѣ суждено было еще разъ видѣть его и даже послужить ему: я, бывши тогда еще на должности синодальнаго ризничаго, показывалъ ему древности патріаршей ризницы, и затѣмъ сопровождалъ его въ Императорскій дворець: и такъ какъ онъ, при своей тучности и дряхлости, съ трудомъ могъ подниматься по лѣстницамъ, то я долженъ былъ почти на своихъ рукахъ возносить его на верхъ.

О преосвященномъ Павлѣ, какъ ректорѣ семинаріи, сохраняется во Владимірѣ двоякая память.

Вотъ что, на примѣръ, пишетъ о немъ, со словъ другихъ.

¹⁾ „Воспоминаніе о преосв. Павлѣ, архіеписк. Черниговскомъ“, свящ. А. Свирѣлина, въ *Странникѣ* 1863 г., декабрь, стр. 83.

авторъ исторіи Владимірской семинаріи, Кс. Надеждинъ на 1830 г. страницѣ 128 и сл.:

„Ректоръ Павелъ, окончившій курсъ въ 1814 году въ С.-Петербургской Дух. академіи (и вступившій въ должность ректора въ 1819 г.) былъ особенно преданъ семинаріи; помогаль бѣднымъ ученикамъ въ ихъ содержаніи, ежемѣсячно жертвоваль на больницу семинарскую отъ 5-ти до 15-ти рублей. Ученики часто обращались къ нему за совѣтомъ; и онъ, хорошо зная каждаго изъ нихъ характеръ, никогда не отказывался дать имъ добрый совѣтъ. Замѣчательно, рассказываль намъ о немъ прот. Я. В. Миловскій, что мы его любили и очень боялись, не смотря на то, что онъ никогда не прибѣгалъ къ наказаніямъ, никогда ученики не слыхали отъ него бранныхъ словъ: вотъ если ударить бывало пальцемъ по столу, ну-бѣда,—весь классъ смущался духомъ... Имѣя очень добрый и мягкій характеръ, онъ снисходилъ до того, что защищаль учениковъ предъ очень строгимъ инспекторомъ (Алявдинымъ); ободряль нѣкоторыхъ изъ нихъ, когда инспекторъ слишкомъ усиливаль свои строгости: „Не печалься,—говориль онъ обиженному инспекторомъ ученику: вотъ я поговорю съ нимъ; я вѣдь знаю, что ты мальчикъ хорошій“.

А вотъ другой отзывъ о ректорѣ Павлѣ его современника и непосредственнаго его ученика:

„Архимандритъ Павелъ былъ добрѣйшій человекъ, какого можно только встрѣтить. Въ 12-тъ лѣтъ едва ли онъ сдѣлаль кому какую-либо непріятность. Высокій ростомъ, пріятной наружности, тихій, ласковый, подъ часъ очень веселый, онъ былъ необычайно тученъ; жизнь вель умѣренную и тучность его была болѣзненная. По пятницамъ онъ постоянно ѣздиль въ баню, стоявшую въ семинарскомъ саду. — и въ субботу, опасаясь простуды послѣ бани, въ классъ на свой урокъ никогда не жаловаль: пришлетъ ученикамъ какую-либо духовную книжку для прочтенія, тѣмъ дѣло по субботамъ и кончалось. Ученики его отдѣленія, опираясь на чрезмѣрную доброту его, пошаливали. Двѣнадцатилѣтнее управленіе семинаріей архимандрита Павла положило особый отпечатокъ какъ на наставниковъ, такъ и на воспитанниковъ. Не будь такихъ зоркихъ и строгихъ инспекторовъ, доброта ректора могла-бы допустить

1830 г. безпорядки значительнѣе тѣхъ, какіе существовали. Звонокъ Богородицкой колокольни не служилъ сигналомъ для начала лекцій: нѣкоторые наставники приходили въ классы, когда какъ придется; ректоръ, кромѣ времени экзаменовъ, не заглядывалъ въ другія отдѣленія; всѣмъ было льготно, всѣ жили на раснапку. Съ выбытіемъ Павла, при новомъ начальникѣ, многое измѣнилось“¹⁾).

Возвратимся назадъ.

По случаю появленія въ предѣлахъ Владимірской губерніи губительной болѣзни—холеры, насъ отпустили на вакацію раньше обыкновеннаго,—кажется, 8-го іюля.

Подходя къ Дунилову, я разсуждалъ самъ съ собою, куда мнѣ нанередъ итти: въ Горицы ли къ дядѣ и отцу крестному, или на Пустыньку къ сестрѣ — Марѣ Михайловнѣ?—Я рѣшилъ итти на первый разъ прежде въ Горицы, куда сильно влекла меня любовь къ родинѣ: но я встрѣтилъ здѣсь не очень ласковый пріемъ. Жена дяди, Татьяна Ивановна, не отличавшаяся вообще нѣжнымъ сердцемъ, смотрѣла на меня не очень благопріятно, по той, какъ мнѣ думалось всегда, причинѣ, что я—сирота учился лучше ея сына и всегда приходилъ домой съ наградами, которыя каждый разъ возбуждали въ ней неудовольствія. Но я, пробывши дня два-три въ Горицахъ, спѣшилъ потомъ на Пустыньку, гдѣ сестра и зять встрѣчали меня съ любовью, но гдѣ стѣсняла и тяготила меня ихъ семейная скудость и почти нищета. Впрочемъ, на воскресные и праздничные дни я всегда возвращался въ Горицы, куда привлекалъ меня родной благолѣпный храмъ и съ дѣтства знакомое общество молящихся. Такимъ образомъ, во все время вакаціи, я велъ скитальческую жизнь, и это продолжалось до самого окончанія мною курса семинарін; только впослѣдствіи я имѣлъ уже больше мѣстъ для своего пристанища.

Чтобы не быть въ тягость другимъ и не быть тунеядцемъ, я старался и почти обязанъ былъ зарабатывать для себя насущный хлѣбъ тѣми или другими трудами. Въ Горицахъ я помогалъ двоюроднымъ сестрамъ, занимавшимся тканьемъ красной пестряди, въ ихъ ремеслѣ. приготовленіемъ для нихъ цѣвокъ и т. под.; на Пустынькѣ я раздѣлялъ съ зя-

¹⁾ *Владим. Епарх. Вѣдом.* 1875 года № 12. Стр. 589 и слѣд.

темъ и сестрой ихъ земледѣльческіе труды: жалъ хлѣбъ, 1830 г. возилъ съ поля на гумно снопы, молотилъ и пр.—Но эти труды и занятія вводили на меня истинную тоску, хотя я долженъ былъ скрывать ее. Мои душевныя стремленія все направлено были къ чтенію книгъ и списыванію стиховъ и литературныхъ статей. По приходѣ на каникулы домой, первымъ моимъ дѣломъ было приготовить свѣжія чернила,— для чего я всегда приносилъ съ собою чернильные орѣшки и купоросъ. Но однажды вотъ что случилось. Положилъ я въ чернильницу толченыхъ орѣшковъ, налилъ воды и, крѣпко закупоривши пробкой чернильницу, поставилъ ее въ только что истопленную печь въ кухнѣ,—это было въ Горницахъ. Черезъ нѣсколько минутъ вынулъ я изъ печи чернильницу, и только лишь началъ ее раскупоривать, какъ пробка взлетѣла къ потолку и все чернила брызнули мнѣ въ лицо. Какъ остались цѣлы мои глаза, я уже не понимаю.—Послѣ этого я сталъ, конечно, осторожнѣе.

Въ первыхъ числахъ августа оканчивался срокъ нашихъ каникулъ, и я началъ уже помышлять о возвращеніи въ школу. Вдругъ получается отъ благочиннаго повѣстка, чтобы мы оставались дома, пока насъ не потребуютъ. Какъ ни тягостно было мое положеніе у родныхъ, но я обрадовался этой отсрочкѣ, потому что имѣлъ возможность провести среди родныхъ два храмовыхъ праздника—Рождества Пресв. Богородицы и Покрова. Первый праздникъ былъ въ Горницахъ, а второй—въ Дупиловѣ.

Холера въ нашихъ селахъ дѣйствовала довольно сильно. Жертвами ея сдѣлались нѣкоторые и изъ моихъ родныхъ, какъ на примѣръ, помянутая выше бабушка моя Татьяна Васильевна и ее невѣстка, жена Платона Алексѣича, который купилъ мой домъ. Но что замѣчательно! Изъ дѣтей никто не умиралъ отъ холеры. Причиной этого явленія можно полагать, какъ мнѣ кажется, спокойное и беззаботное состояніе дѣтскаго духа; между тѣмъ какъ душевное разстройство и упадокъ духа возрастныхъ служили одною изъ причинъ усиленія смертности. Къ нашему дѣтскому удовольствію, въ ту осень былъ обильный урожай грибовъ, и мы каждый день раза по два и по три ходили за ними въ лѣсъ, который со всехъ почти сторонъ окружалъ тогда наши села.

1830 г. Въ половинѣ августа, именно на праздникъ Успенія Божіей Матери, зять и сестра моя, Марья Михайловна поѣхали въ Хотимль повидаться съ недавно вышедшею въ замужество второю сестрою нашею Прасковьею Михайловною и съ другими тамошними родными, какъ-то: двоюродною сестрой Марьею Петровной, бывшею тамъ въ замужествѣ за діакономъ и троюродною сестрой, женой причетника Макара Трофимыча. Взяли и меня съ собою. Въ Хотимлѣ на первый разъ мнѣ было очень весело; тамъ я встрѣтилъ между дѣтьми двухклернаго причта много сверстниковъ себѣ по лѣтамъ; и такъ какъ Успеневъ день былъ храмовый праздникъ въ Хотимлѣ, то на этотъ праздникъ всегда много пріѣзжало гостей изъ разныхъ селъ съ дѣтьми, между которыми также не мало оказывалось мнѣ сверстниковъ. Въ послѣдствіи, я почти каждый годъ бывалъ на этомъ праздникѣ въ Хотимлѣ, у своей двоюродной сестры Марьи Петровны, которая принимала меня очень радушно, а еще болѣе расположенія и ласки оказывалъ мнѣ мужъ ея Иванъ Николаевичъ Успенскій, который былъ сначала діакономъ, а потомъ тутъ же священникомъ. Онъ скончался 27-го марта 1883 года.

Скажу здѣсь кстатѣ нѣсколько словъ о селѣ Хотимлѣ, о характерѣ народонаселенія Хотимльскаго прихода и о моемъ тамъ времяпрепровожденіи.

Хотимль—село Ковровскаго уѣзда, въ сорока верстахъ отъ уѣзнаго города, не большое по населенію (въ немъ не болѣе 200 душъ обоего пола), но красивое по мѣстоположенію; оно расположено на самомъ берегу рѣки Тезы, по которой здѣсь ходятъ не большія барки съ дровами и другими хозяйственными предметами. Въ особенности красивую мѣстность занимаютъ два каменныхъ храма—лѣтній и зимній, обнесенные обширною каменною оградой и башнями. Они стоятъ на довольно высокомъ холмѣ надъ рѣкою, отдѣленномъ отъ села глубокимъ оврагомъ, а съ другой, противоположной стороны, окопанномъ ровомъ. Лѣтній храмъ, во имя Успенія Божіей Матери, освященный въ 1829 году, огромныхъ размѣровъ и весьма благолѣпный. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоятъ приходскіе храмы и при нихъ кладбище, въ древности былъ мужскій Успенскій монастырь. Подробныхъ свѣдѣній о существованіи этого монастыря не

имѣется; сохранилась только челобитная строителя этого монастыря Андреяна съ братією на чернаго священника Ермогена, поданная 24-го мая 1613-го года въ Шуйскую земскую избу на имя Государя и Великаго князя Михаила Ѳеодоровича. Въ этой челобитной строитель Андрейль жаловался на какого-то пришлаго чернаго священника Ермогена, который, имѣя у себя будто бы грамоту отъ князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, но грамоты этой не показывая, насильственно вторгся въ обитель, началъ служить, отобравши у строителя церковные ключи; жилъ самъ не по монастырскому чину, а его, строителя, „лаялъ всякою неподобною бранью и взводилъ на него всякія неподобныя дѣла татевныя и душегубныя, и билъ его, сжегъ келью съ комнатою и вотчиною владѣль и всякою угодою насильствомъ“ и пр. ¹⁾

Хотимльскій приходъ весь состоялъ изъ такъ называемыхъ офеней ²⁾ или ходебищковъ. Офени, торгуя разными мелочными, а иные и довольно цѣнными, товарами, ежегодно, съ своими подвижными лавочками-коробьями, отправлялись изъ своихъ деревень во всѣ концы Россіи и разсѣвались отъ самыхъ южныхъ ея губерній до самыхъ отдаленныхъ областей Сибири. Между офенями, въ прежнее время, было не мало очень богатыхъ торговцевъ. Странствуя всю осень и зиму по городамъ и селамъ Россіи, лѣтомъ—въ маѣ или іюнѣ они возвращались для полевыхъ работъ домой, и здѣсь оставались до храмоваго праздника—Успеньева дня. Послѣ праздника, предъ отправленіемъ въ путь, офени обыкновенно приглашали приходское духовенство для совершенія молебствій въ домахъ. Въ каждомъ домѣ совершался молебенъ и читалось нѣсколько акаистовъ, смотря по усердію и состоянію хозяина. Въ домахъ богатыхъ торговцевъ читалось отъ 10-ти до 15-ти акаистовъ, и за каждый акаистъ полагалась особая плата. Съ

¹⁾ *Старинные акты*. собр. Вл. Борисовымъ. № 8, М. 1853 г.

²⁾ Название: „офени“ одни производятъ отъ торговцевъ-венгровъ, приходившихъ изъстаря въ Россію для торговли изъ города Офена или отъ грековъ, переселявшихся въ Россію изъ Авинь. (См. *Труды Владим. Статистич. Комитета*, вып. X, стр. 80, Владиміръ. 1874 г.). Объ офеняхъ, статья К. Тихонравова, въ *Влад. Губ. Вѣдом.* 1855 г., № 15. Здѣсь приложенъ и словарь искусственнаго офенскаго языка.

1830 г. причтомъ ходили по домамъ и дѣти; брали и меня; и мнѣ не рѣдко приходилось читать вмѣсто священника или діакона акаѳисты. Но трудъ этотъ не оставался безъ должнаго вознагражденія. Такимъ образомъ хожденіе по приходу продолжалось недѣлю и болѣе. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ деревняхъ молебствія продолжались дня по два и по три. Послѣ трудовъ предлагалось обыкновенно обильное угощеніе, въ которомъ участвовали и жены членовъ причта.

Кромѣ того подѣ праздникъ Успенія Божіей Матери, мнѣ случалось ѣздить съ священникомъ, свободнымъ отъ чреды, въ дома помѣщиковъ, для совершенія всенощной службы, и за это получалъ я вознагражденія по гривеннику и пятиалтынному.

Въ будніе дни я раздѣлялъ обычные труды своихъ родныхъ.

Возвращусь назадъ и продолжу рѣчь о холерѣ.

Изъ числа Шуйскихъ гражданъ холерою похищены были два именитыхъ купца: Василій Максимовичъ и сынъ его Діомидъ Васильевичъ—Киселевы. Смерть приключилась имъ въ Дуниловѣ, куда они оба вмѣстѣ пріѣхали, по своимъ коммерческимъ дѣламъ, въ пятничный день, на еженедѣльный базаръ. Это было для Шуй событіемъ великой важности. Какъ происходило погребеніе этихъ своего рода магнатовъ, я не помню. Наслѣдниками миллионнаго состоянія Василія Максимовича остались два внука, сыновья Діомида Васильевича, Иванъ и Димитрій Діомидовичи. Ивану Діомидовичу было около 20-ти лѣтъ, а Димитрій тремя или четырьмя годами моложе его. Иванъ Діомидовичъ, принявъ въ свои руки коммерческія дѣла своего дѣда и отца, не только не разстроилъ ихъ, но и значительно расширилъ. Владѣя, совмѣстно съ братомъ, богатымъ наслѣдіемъ своего предка, онъ много дѣлалъ добра не только для города, но и для всего Шуйскаго уѣзда. Много лѣтъ онъ былъ градскимъ головою и на свои средства выстилалъ камнемъ городскія улицы, устроилъ на площадяхъ фонтаны, имѣлъ, кромѣ городской, собственную пожарную команду и съ нею всюду первый являлся на пожары, содержалъ на свои средства при приходской Крестовоздвиженской церкви пѣвческіи хоръ и т. д. Но въ концѣ его благодѣяній для города была превосходная больница съ домовою при ней церковію и осо-

бымъ причтомъ. Устройство этой больницы съ вѣковымъ ея 1830 г
 обезпеченіемъ стоило, какъ мнѣ сказывали, не менѣе милліона рублей ассигнаціями. Что касается до уѣзда, то всѣ, какъ Шуйскіе, такъ и окрестные мануфактуристы получали для своихъ фабрикъ единственно изъ рукъ Киселева хлопчатую бумагу пряденую и пользовались неограниченнымъ кредитомъ. Иванъ Діомидовичъ, хотя самъ и не получилъ высокаго образованія, но сочувствуя всему доброму и полезному, основалъ у себя библіотеку, ежегодно пополняющуюся всякаго рода литературными произведеніями. И эта библіотека была открыта для всѣхъ желавшихъ ею пользоваться; изъ ней брали для чтенія книги всѣ почти помѣщики Шуйскаго уѣзда, большею частію, люди не богатые.

Но по мѣрѣ расширенія торговыхъ оборотовъ, годъ отъ году возрастала у Киселевыхъ и роскошь. Домъ не очень обширный, но блиставшій всякаго рода украшеніями; прислуги при домѣ до 300 человѣкъ; лошади и экипажи самые дорогіе; оранжереи и птичники съ разнообразными птицами; ежедневные почти пиры, балы и всякаго рода увеселенія. Однимъ словомъ, въ роскоши Киселевы не уступали иному владѣтельному нѣмецкому князю или герцогу. Мнѣ сказывали, что они получали чистаго годоваго дохода до милліона рублей и проживали до 700 т. рублей; хотѣли бы проживать болѣе, но не умѣли уже.

Вслѣдъ за Киселевыми умеръ въ Дуниловѣ попечитель единовѣрческой церкви кунецъ С. П. Балинъ. Съ его смертію въ моей памяти соединяется слѣдующій случай. Ему ввѣренъ былъ прихожанами извѣстный капиталъ для выдачи ежегоднаго жалованья причту. Между тѣмъ, онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ не выдавалъ жалованье, не смотря на частыя ему напоминанія. Наконецъ, когда постигла его болѣзнь и ему угрожала неизбежная смерть, онъ рѣшился разстаться съ ввѣреннымъ ему сокровищемъ. Призвавъ причтъ, онъ выдалъ ему въ разъ за нѣсколько лѣтъ жалованье. Какъ теперь помню, зять мой Василій Александровичъ (Гевашевъ) принесъ домой въ платкѣ цѣлую груду серебряныхъ рублей. Меня заставили пересчитывать, и я насчиталъ 120 рублей. Такого богатства никогда въ домѣ моего зятя не было.

1830 г. Въ концѣ октября насъ потребовали наконецъ чрезъ благочинныхъ въ школу для продолженія ученія.

И остался въ низшемъ отдѣленіи еще на два года. Правда, мнѣ предлагали чрезъ годъ перейти въ высшее отдѣленіе,—чему бывали примѣры въ прежнее время: но я, имѣя въ виду именно эти примѣры, предпочелъ лучше остаться въ низшемъ отдѣленіи еще на два года, чѣмъ безплодно изнурять себя, быть можетъ, непосильными занятіями въ высшемъ классѣ.

Итакъ, съ ноября начались наши школьныя занятія. Предметы ученія были тѣ же, какъ и на первомъ году, т. е. мы продолжали изучать тѣ же грамматики, тотъ же пространнѣй катихизисъ и проч. Новое для насъ было только то, что мы начали упражняться уже въ переводахъ съ латинскаго и греческаго языка на русскій и наоборотъ. Для перевода съ греческаго у насъ была прежняя христоматія *Каченовскаго*; но для перевода съ латинскаго намъ прислали новую христоматию, составленную и изданную ректоромъ Московской Дух. академіи, архимандритомъ *Полікарпомъ* († 19 января 1837 года). И такъ какъ для цѣлаго класса присланъ былъ одинъ только экземпляръ этой книги, то мы должны были ее списывать.

Перваго рода упражненія, т. е. переводы съ латинскаго и греческаго языковъ, назывались у насъ *версіями* (versio), а послѣднія *оккупациями* (occupatio). Учителя, прочитавши наши оккупации или версіи и указавши въ нихъ ошибки, подписывали подъ ними похвалы или порицанія не цифрами, какъ это нынѣ принято, а словами и притомъ, судя по тому, на какомъ языкѣ было написано упражненіе, на такомъ писалась и аттестація.

Вотъ образцы этихъ аттестацій:

По латыни	По гречески:	По русски:
Excellentissime,	Ἐξαιρέτως.	превосходно.
Praestantissime.	Βέλτιστα	прекрасно.
Eximie,	Κίλλιστα,	отлично.
Optime,	ἵνα χαλῶς.	очень хорошо.
Belle,	— —	изрядно.
Laudabiliter.	Ἐπαινετῶς	похвально.
Bene,	Καλῶς.	хорошо.

Satis bene.	<i>Ἰκανῶς καλῶς,</i>	довольно хорошо.	1830 г
Non male,	<i>Οὐ κακῶς,</i>	не худо.	
Male,	<i>Κακῶς.</i>	худо.	
Pessime,	<i>Κέκιστα.</i>	очень худо.	

Такъ какъ въ низшемъ отдѣленіи, кромѣ насъ — младшихъ, человѣкъ 25-ти или 30-ти, оставлено было изъ старшихъ на повторительный курсъ человѣкъ 10—15, и какъ эти послѣдніе заняли первыя мѣста: то намъ, по заведенному изстари обычаю, предоставлено было право оспаривать эти мѣста посредствомъ оккупацій, или задачъ. Въ этомъ случаѣ младшій ученикъ указываетъ учителю на того или другаго изъ старшихъ учениковъ и на своей тетради подписываетъ: „Contendo de loco cum discipulo N т. е. „спору о мѣстѣ съ ученикомъ *такимъ-то*“. При этомъ конкуренты строго наблюдаютъ одинъ за другимъ, чтобы ни тотъ, ни другой не воспользовался при переводѣ съ русскаго языка на латинскій или греческій постороннею помощію. Когда, по разсмотрѣніи оккупацій спорящихъ учениковъ, учитель найдетъ, что оккупация младшаго ученика лучше старшаго, т. е. съ меньшимъ числомъ погрѣшностей противъ правилъ этимологін и синтаксиса, онъ сажаетъ младшаго на мѣсто старшаго, не лишая, впрочемъ, сего послѣдняго права оспаривать, въ свою очередь, мѣсто у его соперника. Но если оккупация претендента окажется хуже старшаго ученика, то этотъ имѣлъ право высѣчь розгами своего соперника за посягательство на свою честь. Я на первый разъ велъ борьбу изъ-за мѣста, какъ теперь помню, съ ученикомъ Иваномъ Воскресенскимъ, который занималъ первый или второй номеръ въ спискѣ, и одержалъ надъ нимъ побѣду.

Незамѣтно приблизились святки. Я не могъ утерпѣть, чтобы не побывать на родинѣ и не встрѣтить праздникъ Христовъ въ своемъ родномъ храмѣ. По прежнему обычаю, дядя Петръ Ивановичъ взялъ меня съ собою по приходу славить Христа и собирать гроши, которые для меня, какъ для круглаго сироты, были очень благопотребны. Впрочемъ, когда скончалась моя мать, мнѣ вмѣсто 15-ти рублей, назначили изъ казны и выдавали чрезъ училищное начальство въ руки жаловапья по 60-ти рублей въ годъ; и этой суммы

1831 г. для моего содержанія не только было достаточно. но даже были отъ нея иногда остатки по 10—15-ти рублей.

Независимо отъ хожденія по своему Горицкому приходу, съ этого года меня началъ брать съ собою по деревнямъ очень ко мнѣ расположенный о. Василий Сапоровскій. У нихъ, въ Покровскомъ приходѣ, было въ обычаѣ ѣздить, для славленья, по деревнямъ въ одиночку. И вотъ добрый о. Василий, для развлеченія, бралъ съ собою меня, когда отправлялся въ деревни. Бывало, пока ѣдемъ по полю отъ одной деревни до другой, онъ задаетъ мнѣ разные примѣры для перевода съ русскаго на латинскій языкъ, или на оборотъ, и утѣшается моими правильными переводами. Въ деревняхъ, за славленье, давали намъ гдѣ деньгами, а гдѣ и льномъ. Такъ какъ ленъ былъ мнѣ не нуженъ, то онъ бралъ его у меня, а мнѣ давалъ деньги. Такимъ образомъ я возвращался домой изъ этихъ поѣздокъ не съ пустыми карманами.

Насталъ 1831-годъ. Въ июнѣ, или въ августѣ этого года выдана была въ замужество моя послѣдняя сестра — Анна Михайловна въ село Кохму за крестьянина Ив. Ив. Чуживина. На меня палъ жребій перевозить, вмѣстѣ съ однимъ изъ родственниковъ жениха, имущество (приданое) сестры изъ Дунилова въ Кохму. и за тѣмъ я былъ въ числѣ почетныхъ гостей на брачномъ пиру.

Кохма въ 20-ти верстахъ отъ Горицъ—село очень значительное и по населенію (болѣе 1000 душъ обоего пола), и по благосостоянію жителей; въ немъ есть не мало мануфактурныхъ фабрикъ и зажиточныхъ купцовъ. Церковь приходская одна—очень обширная и благолѣпная, но при ней въ прежнее время было четыре причта, такъ какъ въ приходѣ, кромѣ села, состояло много деревень. При такомъ количествѣ членовъ причта, не мало было у нихъ и дѣтей, изъ коихъ нѣкоторые были моими сверстниками и товарищами по школѣ; между прочимъ, у старшаго священника о. І. Н. Спералскаго, который долгое время былъ благочиннымъ, было четыре сына, отъ природы одаренные хорошими голосами и впоследствии всѣ бывшіе пѣвчими въ архіерейскомъ хорѣ; сынъ втораго священника о. Николая, Александръ Николаевичъ Соколовъ, который однимъ курсомъ былъ меня старше, нынѣ одинъ изъ почетнѣйшихъ протоіе-